

**ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В АРМЕНИИ:
МЕЖДУ ЭТНИЧЕСКИМ И НАЦИОНАЛЬНЫМ**

Дунамалян Н. А.

Аннотация

Статья посвящена формированию «политического» в структуре армянской национальной идентичности. Особое внимание обращается на восприятие национальной идентичности в Армении и Диаспоре, а также соотношение национального, государственного и гражданского самосознания. Автор ставит задачу выявить основные факторы, влияющие на трансформацию государственно-гражданского сознания армянского общества. Кроме того, необходимым элементом исследования становится анализ специфики исторического развития армянского народа. Отмеченные аспекты дают более полную картину попыток демифологизации национальной идентичности в современный период.

**ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ ՊԵՏԱԿԱՆ-ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ԻՆՔՆՈՒԹՅԱՆ
ԿԱՅԱՑՄԱՆ ԽՆԴԻՐԸ. ԷԹՆԻԿԻ ԵՎ ԱԶԳԱՅԻՆԻ ՄԻՋԵՎ**

Ն. Ա. Դունամալյան

Սեղմագիր

Հոդվածը նվիրված է հայ ազգային ինքնության կառուցվածքում «քաղաքականի» ձևավորմանը: Առանձնահատուկ ուշադրություն է դարձվում Հայաստանում և Սփյուռքում ազգային ինքնության ընկալմանը, ինչպես նաև ազգային, պետական և քաղաքացիական գիտակցության հարաբերակցությանը: Հեղինակը նպատակ ունի սահմանել այն հիմնական գործոնները, որոնք ազդել են հայ հասարակության պետական-քաղաքացիական գիտակցության վերափոխման վրա: Նաև անհրաժեշտ է հաշվի առնել հայ ժողովրդի պատմական զարգացման առանձնահատկությունները: Նշված ասպեկտները ավելի ամբողջական պարկերացում են տալիս արդի ժամանակաշրջանում ազգային ինքնության ապաստասպելականացման փորձերի մասին:

**THE PROBLEM OF FORMATION OF STATE-CIVIL IDENTITY
IN ARMENIA: BETWEEN THE ETHNIC AND THE NATIONAL**
Dunamalyan N. A.

Summary

The article is devoted to the formation of the “political” in the structure of the Armenian national identity. Particular attention is paid to the perception of national identity in Armenia and the Diaspora, as well as the correlation between national, state and civil consciousness. The author aims to define the main factors that have had an influence on Armenian society’s state-civic consciousness transformation. Also, it is necessary to take into account the specifics of the historical development of the Armenian people. The noted aspects provide a more complete picture of attempts to demythologize national identity in the modern period.

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АРМЕНИИ: МЕЖДУ ЭТНИЧЕСКИМ И НАЦИОНАЛЬНЫМ²

Почему исследование идентичности важнее определения понятия «нация»?

Внимание к теме национализма в различных странах мира объясняется хрупкостью социально-политических отношений, которые возникли в XX в. и претерпевали сегодня радикальную трансформацию. При этом способы и механизмы этих изменений могут различаться, исходя из особенностей социокультурного развития общества, приоритетов государственного строительства и уровня модернизации. В этом контексте большинство ученых в прошлом уделяло особое внимание на определении понятия «нация», посредством которого можно было понять общую цель и тенденции развития больших социальных сообществ.

Исходя из приверженности к той или иной теории этничности³, исследователи представляли нацию как исторически сложившуюся общность, «воображаемое сообщество»⁴, схему выражения этничности⁵, политическое явление и т. д. Споры о национализме и этничности периодически активизировались после вспышек этнического насилия, возникновения независимых государств и внутриполитических кризисов, однако попытки дать универсальное определение понятию «нация» все время сталкивались с сложностью построения отношений внутри и между социальными сообществами.

Необходимо разделить понятие «нации» в ее обыденном понимании и «нации» как цели националистической идеологии. Национализм как идеология возник в XVIII–XIX вв. на фоне становления национальных государств в Европе. Политическим элитам необходимо было выстроить

¹ Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Российско-Армянского (Славянского) университета. Автор более 20 научных работ и статей.

² Статья представлена в редакцию 14.06.2024 г.

³ Наиболее влиятельными теоретическими направлениями можно назвать «примордиализм» и «конструктивизм». *Примордиализм* понимает нацию или этнос как естественно сложившуюся социальную группу, основанную на общности родства и «кровных уз». *Конструктивизм* трактует нацию/этнос как социальный конструкт, сформировавшийся в результате специфической деятельности (политики идентичности или нациестроительства).

⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; - М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288с.

⁵ Брубейкер, Р. Этничность без групп /пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

идеологию, консолидирующую и формирующую единое сообщество, которое не зависело бы от социального расслоения, уровня образования, пола, а в некоторых случаях – и этнического происхождения. Для таких стран как Франция, Пруссия (а затем и Германия), Италия, национализм выступал в роли инструмента удаления контраста между региональными, социальными, историческими, политическими, культурными и другими различиями. Становление единого государственного языка, обучение на нем в школах и университетах, формирование единого образа исторического прошлого через учебники – все это служило цели построения единого сообщества. Национализм стал продуктом модернизма не в его временном, а сущностном смысле, впадая в крайности шовинизма или нацизма, но, при этом, становясь основой солидарности в Европе после Второй мировой войны. Национализм привел к смене акцента с этнического и культурного многообразия в сторону «массовости» идей, ценностей и установок для развития общества⁶.

Иными словами, национализм как идеология стал важной основой для становления европейских государств в его позитивном и негативном смысле. Но в других государствах опыт национализма мог приводить к кризису или углублению дискриминации, поскольку «нациестроительство» там могло пониматься как построение этнонационализма (доминирования одного этноса). Такие эксцессы возникали в Японии после реформ Мейдзи, в КНР при Мао, в Камбодже при красных кхмерах, на Балканах и в Восточной Европе.

Нужно обратить внимание на то, что наиболее болезненный националистический опыт испытали народы бывших империй (Австро-Венгрии, Османской империи, Российской империи и др.), так как форматы идентичности различных сообществ использовались имперскими властями как для солидаризации, так и внесения раскола. Именно поэтому понятие «нация» не могло выразить все те процессы и тонкости взаимодействия сообществ на постимперском пространстве, формируя необходимость понимания ключевых элементов их идентичности. Так, в Османской империи религиозная и этническая идентичность сосуществовали в рамках системы «миллетов», которые подразделяли армян на представителей Армянской Апостольской и Католической церквей⁷ (такое разделение, к примеру, сохранилось в современном Ливане), пытаясь препятствовать консолидации армян. Однако даже это обстоятельство не сформировало однозначного разделения в восприятии прошлого между армянами ААЦ и католиками в силу доминирования культурной идентичности над конфессиональной.

Кроме того, в случае армянского народа нельзя описывать непрерывный процесс его трансформации только через доминирование культурной

⁶ Геллнер Э. Нации и национализм. — М.: Прогресс, 1991.

⁷ Միմալիդյան Ա., Հովյան Վ. Հայ կաթողիկե և ավետարանական համայնքները Թուրքիայում. Ժամանակակից միտումներ - Եր.: «Նորավանք» ԳԿՀ, 2012. - 160 էջ:

идентичности над конфессиональной или абсолютизацию этнической принадлежности, игнорирующую особенности политического развития. Формирование, сохранение и изменение социальных связей сочетают в себе как динамику, так и статику, поэтому проблема «наслаивания» или «противостояния» этнической, религиозной, политической, гражданской и иных идентичностей показывает процесс развития общества как единого целого, чего нельзя добиться посредством определения нации как некоего постоянного явления.

Вместе с тем, взгляд на нацию как этническое сообщество во многом противоречит желанию политических элит выстроить устойчивую структуру отношений среди граждан одного государства (примеры: отношение двух Корей, проблема принадлежности между «материнским» государством и диаспорой в случае Армении, Ирана, КНР, Индии и др.). В то время как сугубо «политическое» восприятие этого понятия может привести к игнорированию прав национальных меньшинств и к выхолащиванию историко-культурного содержания становления различных групп общества.

Во всяком случае важнейшим аспектом в рамках этих процессов остается политика идентичности как инструмент достижения результата в виде той или иной версии «национализма». Поскольку зачастую идея политического или гражданского национализма ассоциируется с «западным» или «российским» пониманием нации, хотя и с большими различиями, тогда как в переходных государствах Восточной Европы, Азии и постсоветского пространства укоренился этнонационализм, ведущий к моноэтнизации общества. В контексте исследуемой темы мы понимаем и различаем несколько способов формирования групповой идентичности: *национальной* – связывающей культуру и политику развития отдельного сообщества, *государственной* – строящей принадлежность на основе отождествления себя с государством как институтом, *гражданской* – ставящей акцент на социальной ответственности и знании своих прав и обязанностей, *политической* – предающей определенную направленность и смысл приверженности к определенной группе или идее.

Особенности трансформации армянской национальной идентичности: «синтетическая» модель

Модель формирования армянской национальной идентичности представляет собой уникальный феномен, который на протяжении веков выработал особый механизм сочетания глобальных тенденций и этнокультурного контекста. В течение нескольких тысяч лет армяне выстраивали свою идентичность, отталкиваясь от сочетания западных и восточных элементов в своей культуре, что было выражено в создании национальных версий глобальных трендов: армянского эллинизма, «парфянства», создания Армянской апостольской церкви, изобретения

национальной письменности. Этот механизм развил способность армянства встраиваться в масштабные мировые проекты (к примеру, «персидский» и «византийский» проекты, концепт «христианского Востока» и др.)⁸, не теряя при этом своей самобытности. Вместе с тем, начиная с IV–V вв. основная направленность армянского национального проекта была ориентирована на усиление устойчивости армянской идентичности в контексте социальных и политических потрясений⁹. Задолго до европейской Реформации собственная письменность и литература (прежде всего, историософская), а также система образования при монастырях и огромное рукописное наследие, создали условия для становления гибкого механизма армянского нациестроительства. Понимание «национального» в армянской действительности укоренилось посредством культурных символов, которые могли существовать в различных политических условиях. Исходя из этого, этнокультурная или этноконфессиональная модель армянской национальной идентичности стала ключевым элементом самосознания армянина.

В условиях отсутствия государственности адаптация национальной идентичности армян предполагала отказ от становления специфического «политического» мышления, направленного на восстановление собственной независимости. Аполитичное поведение наоборот поощрялось местными властями и церковью в самые сложные периоды истории армянства, хотя и в социальном плане сыграло роль постепенное истребление армянской знати в XIV–XVIII вв.. В этот период основное население Армении в культурном плане маргинализировалось, сохраняя религию, но заимствуя образ жизни и обычаи, распространенные на пространстве восточных империй.

Восприятие «политического» сформировалось под влиянием европейских идей конституционализма, свободы и рационализма. Так, идеи «Мадрасского кружка» (М. Баграмян, Ш. Шаамирян, О. Эмин) возникли под влиянием воззрений европейских философов эпохи Просвещения, а волна европейского национализма первой половины XIX в. была отражена в формировании светского национально-освободительного движения в Западной и Восточной Армении. Создание первых армянских партий как в идеологическом, так и политическом плане было связано с развитием революционной ситуации в европейских странах и России, однако поставленные этими политическими силами цели не всегда соответствовали реальным потребностям армянского населения, проживающего на территориях трех империй.

⁸ Саркисян О.Л. 2016. Некоторые постулаты исследования национальной идентичности в контексте современных социально-политических и культурно-цивилизационных трансформаций. – Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета. № 2, сс. 42–46.

⁹ Greenwood T. The Universal History of Stepanos Tarōneci: Introduction, Translation, and Commentary. – Oxford University Press, 2017.

В рамках национальной идентичности армян «политическое» вступало в противоречие с «этнокультурным», представляя, по сути, конфликт между традицией и современностью. Долгий период отсутствия государственности создал мифологему прерывания политического развития, которое, в конце концов, становится неудачной попыткой опыта государственного строительства. В исторической памяти большое внимание уделялось именно периоду падения государственности, что заметно и в первой «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, завершающейся «скорбью» по некогда возвышенному народу. Повторение этого сюжета привело к утверждению мнения о постоянной незавершенности идеи «политического»¹⁰. С другой стороны, привязка идентичности к языку, вере, письменности и иной культурной символике впоследствии привела к пренебрежению «реальностью», поскольку модернистская политика, к примеру, была направлена на преобразование мира и подчинение реальности идеям рационализма, которые царили в Европе конца XVIII – начале XIX веков. В этом контексте политика Эпохи модерна мыслилась как способность создать свое будущее посредством выбора устойчивой стратегии и институционализации политики. Развитие «домодернистской» армянской национальной идентичности же подчинялось логике противопоставления мира высоких идей (носителем которых была, к примеру, Церковь) «реальности» повседневной политики.

Будучи одним из главных проектировщиков армянской идентичности, Армянская Апостольская церковь сумела консолидировать армянскую культурную традицию (в т. ч. – и дохристианскую) и дать ей направление посредством нескольких инструментов: письменности, образования, социально-правовых преобразований (например, Аштишатский собор) и формулировки культурно-исторических нарративов. Нельзя утверждать, что Армянской церкви не был присущ инстинкт политической целесообразности, поскольку акт создания письменности в V в. как продукт *оригинального политического мышления* был инициирован именно духовными и светскими элитами¹¹. Однако церковь отличалась от армянской светской власти более высокой устойчивостью и могла использовать культуру как ресурс сплачивания армянского населения и общин.

Институт церкви стал главным ретранслятором и хранителем ценностей национальной идентичности на долгий период отсутствия государственности, но не смог заменить его полностью. Вместе с тем, под влиянием церковных

¹⁰ Minassian G. What Is the Armenian People's Relationship with "The Political"? / EVN report (April 6, 2022). URL: <https://evnreport.com/opinion/what-is-the-armenian-peoples-relationship-with-the-political/> (дата обращения: 12.06.2024).

¹¹ Мирумян К. А. Армянская политическая мысль. Формирование и этапы развития (под ред. Г. Г. Арутюняна). – Ер.: Изд-во РАУ, 2021 – 552 с.

нарративов армянская история стала обладать морально-нравственными чертами и линейным характером (имеющим начало и конец), преобладавшими у многих народов раннего средневековья, но изменившимися в ходе Возрождения и Реформации. Армянская религиозная и общественно-политическая традиция, в отличие от европейской, не подверглась реформированию. До сих пор внутри армянской исторической памяти сохранились такие мифологемы как «*нравственная победа*», сюжет «герои и предатели», идея «*окончательного спасения*» и т. д.

История вообще занимает важное значение для армянской идентичности, поскольку дает большой багаж идей и смыслов, объясняющих современные реалии развития армянского народа. На протяжении тысячи лет почти непрерывная историографическая традиция (вплоть до XV–XVI вв.) формулировала основные принципы философии армянской истории¹².

Возвращаясь к идее «*политического*» и государственности вообще, нужно отметить, что трансформация армянской национальной идентичности, пройдя период кризиса в XV–XVIII вв., способствовала переосмыслению истории под влиянием идей гуманизма и Просвещения. Кризис заключался в потере поддержки Церкви со стороны армянской государственности после падения Киликийского царства и значительной эмиграции армянского населения, вследствие чего наряду с Святым Эчмиадзином возникло сразу несколько духовных центров армянства (Киликийский и Ахтамарский католикобаты, Константинопольский патриархат). В конце XVIII вв. возник запрос на необходимость обоснования национально-освободительной борьбы армянского народа в рамках продуманного проекта будущего политического устройства. Усилиями Ордена мхитаристов и армянской «торговой» интеллигенции интерес к истории и возрождению политики стал важным аспектом модернизации армянской политико-культурной мысли¹³, однако предлагаемые нарративы все еще были далеки от реальной ситуации в Армении, разделенной между Османской и Персидской империями. В дальнейшем, присоединение Восточной Армении к Российской империи привело к утверждению «*политического*» в его «имперских» рамках¹⁴, что способствовало лояльности армянского населения и сохранению этноконфессиональной модели идентичности.

¹² Thomson R. W. Christian Perception of History — The Armenian Perspective // Redefining Christian Identity. Cultural Interaction in the Middle East since the Rise of Islam / edited by J. J. van Ginkel, H. L. Murre-van den Berg, T. M. van Lint. — Peeters Publishers, 2005. — P. 35–44.

¹³ Հէրիեան Պօղոս Լևոն, Հայկական ուղին դեպի արդիականություն. Հայ ինքնությունն ավանդույթի և նորույթի, հատուկի և ընդհանրականի միջև, <https://bit.ly/3W55rys> (дата обращения: 12.06.2024):

¹⁴ Дунамалян Н. А. Специфика «армянского кризиса» в контексте современных подходов внешней политики РФ / АРВАК Центр, <https://arvak.am/ru/армянский-кризис-и-политика-рф/> (дата обращения: 12.06.2024).

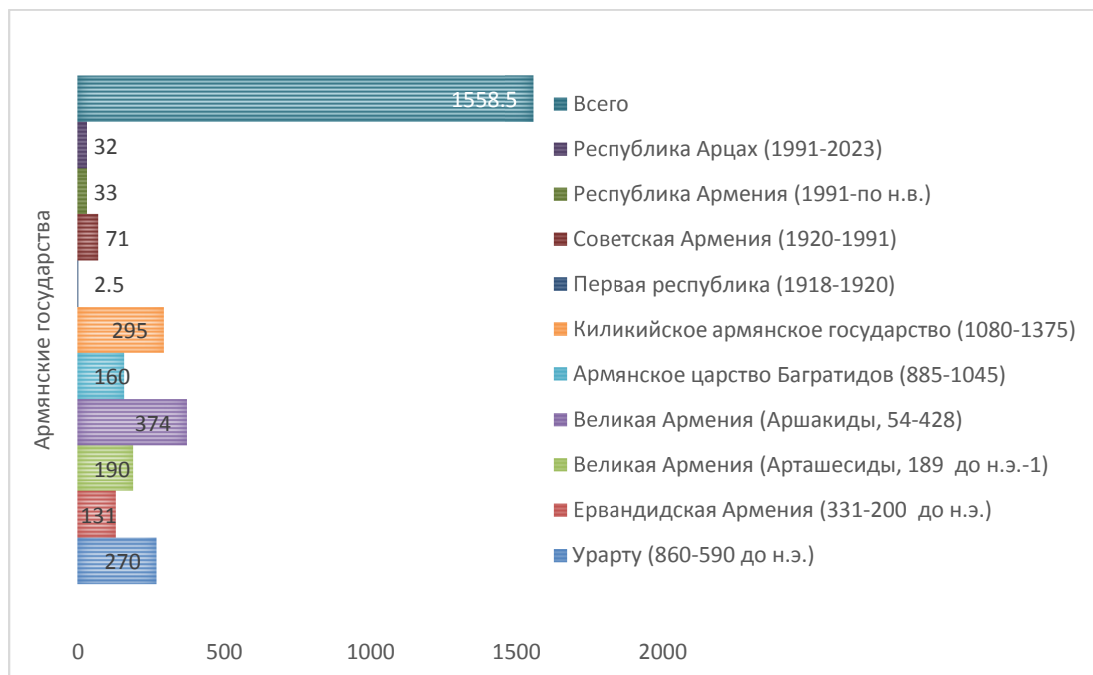

Рисунок 1. Продолжительность существования армянской государственности в разные периоды истории (в годах), **Источник:** составлено автором

Во всяком случае идея «реальной» государственности не стала популярной среди армянского населения, уступая концепции аморфной «*грядущей Армении*». Этому способствовали как субъективные, так и объективные условия существования армянского народа, однако важным аспектом была и остается интерпретация «*политического*» в его историческом и культурном аспекте. Более 1550 лет, то есть почти больше половины писанной истории армянского народа, занимает история суверенных или имеющих определенную субъектность армянских территориально-политических образований (**Рис. 1**), что заставляет по-иному взглянуть на политическую историю Армении. К тому же исторически существовало большое количество квазигосударственных или полузависимых образований (от Софены, Захаридской Армении, княжеств и меликств в Сюнике и Арцахе, до Республики Горная Армения), которые могут ассоциироваться с феноменом армянской государственности. Однако до сих пор как в Армении, так и в Диаспоре сохраняется идея о предстоящей форме государства, выраженного в формуле одного из лидеров карабахского движения М. Горгисяна: «*Да здравствует Армения завтрашнего дня*».

Восприятие армянской национальной идентичности в Армении и Диаспоре: фактор государственности

Уже в XVIII–XIX вв. у ААЦ появились новые религиозные и политические конкуренты в лице Армянской католической и евангелистской церквей, а также армянских традиционных партий. Изначально существовал лишь

латентный конфликт в оценках и подходах в деле сохранения армянской идентичности, но в последующем эти организации приобрели довольно высокий статус внутри армянских общин Диаспоры. Вместе с тем, после 1878 г. была сформулирована повестка «Армянского вопроса», ставшего важным элементом политики великих держав и становления политической идентичности различных армянских сообществ.

Концепция «Армянского вопроса» стала важным поводом к обсуждению прав и свобод армянского населения Османской империи, но одновременно с этим создала основу для «политизации» армянской идентичности с точки зрения постановки требования возрождения армянской государственности. Такой подход предполагал некоторый диапазон предложений, колеблющийся от предоставления армянам автономии внутри Российской (проект Армянской области) и Османской (российский проект армянских реформ в 1914 г.) империй до полной независимости. Главным выразителем интересов армянского населения к 1910-ым гг. стала партия Дашнакцутюн, что ознаменовало уменьшение роли Церкви в вопросе сохранения армянской национальной идентичности.

XX век стал периодом величайшей трагедии армянского народа – Геноцида армян в Османской империи в 1915–1923 гг. – и восстановления армянской государственности. При этом, оба события были взаимосвязаны: облик Первой, Второй и Третьей Республик сформировался на основе социальных, демографических, культурных и политических последствий Геноцида, а также необходимости преодоления этой исторической травмы. Победа в Первой Карабахской войне также стала ключевым аспектом в формировании армянской политической идентичности, как символа перехода от комплекса «нации-жертвы» к «нации-победителю». Кроме того, Геноцид стал причиной раскола армянского народа, выраженного в формировании специфического восприятия понятий государственности и гражданственности на территории Республики Армения и в армянских общинах Диаспоры.

Первая Республика выстроила (насколько это было возможно за 2,5 года) многие политические институты, подготовив основу для сохранения субъектности Армении в рамках СССР. Такая трактовка может быть неприемлема с позиций радикального национализма, однако, при всех недостатках дашнакского правительства или советских властей, их усилия способствовали сохранению и восстановлению Армении, хотя и в геополитически уязвимом состоянии. Становление Армянской ССР можно также представить как фактор формирования у граждан республики гражданско-государственного сознания, которое сопрягалось с феноменом этнического патриотизма и «мягкого» армянского национализма. Победу в Великой отечественной войне также можно рассматривать как один из этапов

преодоления комплекса «нации-жертвы»¹⁵. Массовые демонстрации 24 апреля 1965 г., посвященные 50-летней годовщине Геноцида армян, было созвучно дискурсу сохранения исторической памяти в Советском Союзе тех лет¹⁶. Иными словами, армянские элиты, интеллигенция и рядовые граждане, даже будучи объектом в геополитической игре Советского Союза (например, в рамках конфликта с натовской Турцией), могли использовать возможность для повышения уровня коллективного самосознания в отношении сохранения исторической памяти и культурного единства всего армянства. В этом контексте также выражалась «синтетическая» модель национальной идентичности, демонстрирующая совпадающие интересы наднациональной пост-тоталитарной системы и армянского народа.

Вместе с тем, присоединение Армении к СССР привело к размежеванию идентичностей «советского армянства» и армянской диаспоры. Если в Советской Армении преобладало влияние коммунистической идеологии, и многие националистические нарративы должны быть вплетены в общий дискурс, то в Диаспоре сохранение идентичности армянских общин было тесно связано с политическими позициями партий Дашнакцутюн, Гнчак, Рамкавар и других влиятельных организаций. После советизации Армении традиционные партии взяли на себя роль организации армянских общин в Диаспоре. Однако на тот момент уже присутствовал ряд разломов внутри самих армянских общин, не говоря уже между отдельными общинами. В ряде случаев внутридиаспоральная миграция (переезд ближневосточных армян в США и европейские страны в 1950–1970-х гг.) способствовала укреплению позиций Армянского революционного союза «Дашнакцутюн» на Западе и ослаблению других партий, так как данная партия изначально имела исключительный авторитет именно в общинах Ближнего Востока и представляла наиболее консолидированную базу вокруг националистических ценностей, важным аспектом которых был «антисоветизм». Это обстоятельство привело к расколу внутри Армянской церкви, когда Эчмиадзинский престол обвинялся дашнаками в поддержке советской власти, а как альтернатива предлагалась подчинение диаспоральных епархий Католикосату Великого дома Киликийского, который отличался от ААЦ лишь в административном плане¹⁷. Разделение армянской церкви условно на «советскую» и «национальную» стало большим ударом для позиций ААЦ как внутри Армении из-за

¹⁵ Саркисян О. Л., Дунамалян Н. А. Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты. – Полис. Политические исследования. 2020. № 2, сс. 53–72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05> (дата обращения: 12.06.2024)

¹⁶ Марутян А.Т. 2008. Памятник жертвам геноцида в контексте ритуалов армянского народа. – Этнографическое обозрение. № 3, сс. 119–128.

¹⁷ Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. Искандарян А., ред. Ереван, Caucasus Institute, 2009. 207 с.

сталинских и последующих репрессий, так и в Диаспоре по причине сохранения раскола даже после обретения Арменией независимости.

Разница в восприятии национальной идентичности в Армении и Диаспоре стала результатом более чем 70-летнего периода адаптации армянской нации к новым условиям. Здесь можно выделить несколько факторов:

1. внутренняя политика советского Центра и стран проживания армянских общин;
2. поиск наиболее оптимальной модели национальной идентичности, объединяющей все армянство;
3. конкуренция между акторами, претендующими на роль хранителя национальных ценностей (Церковь, партии, советская номенклатура, благотворительные организации, местные общины и др.);
4. внешняя политика крупных держав;
5. выстраивание коллективной памяти вокруг тех или иных нарративов.

Можно заметить, что среди этих факторов мы не отметили стремление к восстановлению государственности, поскольку институт государства в рамках армянской национальной идентичности присутствовал как «возможное» средство достижения многих других целей, но не основная цель. Это противоречие было выявлено еще на Парижской конференции 1919 г. в ходе спора вокруг соотношения территории планируемой «Объединенной Армении»¹⁸. Также и в программе партии Дашнакцутюн Республика Армения воспринималась как средство решения «Армянского вопроса», предполагающего объединение Западной и Восточной Армении¹⁹. Статус Армянской ССР также не считался препятствием на пути к свободе армянского народа, поскольку Карабахское движение с формальной точки зрения началось как сугубо системный процесс, основанный на всех законодательных процедурах СССР и соответствовавший духу Перестройки. Таким образом, политические процессы, связанные с реализацией национальных целей, не всегда напрямую связывались с «государственностью». В ином случае идея необходимости независимости государства существовала, но представляла собой довольно идеализированную конструкцию.

В случае Диаспоры существовали модели «изгнаннического национализма», созданного вокруг идеи единого национального (а не только этноконфессионального) сообщества, которое сохранило память об

¹⁸ Петросян Г. А. Отношение политических кругов России к Декларации независимости объединенной Армении // Отношения Республики Армения с Россией (1918 – 1920 гг.) / ЕГУ; - Ер.: Изд-во ЕГУ, 2012, сс. 202–243.

¹⁹ «Հայ Դատ» Հասկացողութեան Խորհուրդն Ու Պատգամը Դաշնակցականներու Մօտ (ՀՅԴ Հիմնադրութեան 125-Ամեակին Առիթով) ԺԲ. <https://www.aztagdaily.com/archives/270364> (дата обращения: 12.06.2024):

исторической Армении, и диаспорального транснационализма²⁰, признававшего этнокультурную идентичность как наиболее устойчивую и жизнеспособную форму консолидации отдельных армянских общин. Первая модель была основана на осознании представителями диаспоры своей принадлежности к армянской нации посредством реальной памяти о доме (исторической родине), однако параллельно росту армянских общин за рубежом возрастала физическая и ценностная дистанция от исторической Армении, а потом и Республики Армения. «Армянский транснационализм», проповедуемый другой моделью, объединял Республику Армения, Арцах и различные общины диаспоры вокруг общих ценностей, то есть обозначал Современную Армению как один из элементов этой «транснации», а не центр армянства как таковой.

Иными словами, дистанцирование диаспоры от Советской Армении привело к размытию понятия «Родина» (homeland), так как многие представители диаспоры стали идентифицировать себя как с текущим местом рождения или проживания, так и с «виртуальным» образом давно потерянной исторической родины²¹. Современная территория Армении до сих пор не смогла полностью заменить в исторической памяти представителей диаспоры, как и, впрочем, граждан Армении, понятие «Родины». В исследовании 2019 года представители некоторых общин Диаспоры на вопрос о связи географического места и идентичности только 12% упомянуло Республику Армения, в то время как 30 % респондентов назвали топонимы Западной Армении²². Республика Армения также не воспринимается как важный элемент национальной идентичности в Диаспоре (**Табл. 1**), хотя культурные аспекты самоидентификации доминируют.

Наличие такого количества противоречий внутри армянской идентичности можно объяснить тем обстоятельством, что как армянские национальные партии, так и власти АрмССР скорее представляли интересы армян в рамках более крупных образований, но не имели того инструментария, который бы дал достичь поставленных целей. Вместе с тем армяне, объединенные этнокультурной идентичностью, обладали очень разной политической культурой, которая представляла «демократическую», «имперскую», «европейскую» или

²⁰ Tölölyan K. Beyond the homeland: From exilic nationalism to diasporic transnationalism. Gal A., Leoussi A.S., Smith A.D., eds. *The Call of the Homeland*. 2010, pp. 27-45. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004182103.i-402.16> (дата обращения: 12.06.2024).

²¹ Саркисян О., Дунамалян Н. Фактор диаспоры в контексте модели общеармянской идентичности: между нацией и государством. *Мировая экономика и международные отношения*, 2023, т. 67, № 4, сс. 92–108. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-92-108> (дата обращения: 12.06.2024).

²² Armenian Diaspora Public Opinion (1). *Armenian Diaspora Survey 2019*. Tchilingirian H., ed. –176 p., https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5f5382df75dd3715b1125b37/1599308587911/Armenian+Diaspora+Survey+2019+results+book_05092020v2.pdf (дата обращения: 12.06.2024).

Таблица 1.
Вопрос: Каким образом вы определяете свою армянскую идентичность?

Вопрос: Каким образом вы определяете свою армянскую идентичность?	Общины											
	Пасадена	Бостон	Марсель	Каир	Аргентина	Монреаль	Ливан	Румыния	Бельгия	Париж	Великобритания	Ростов-на-Дону
Количество опрошенных	616	891	1058	416	885	1022	546	244	336	496	525	969
Семейная история\прошлое, семья	62	76	51	48	73	63	77	74	62	58	72	79
Армянский язык	68	38	62	73	33	80	21	26	62	59	67	54
Христианское наследие и вера	38	38	39	35	14	26	15	33	27	29	34	31
Признание Геноцида	30	26	42	48	32	24	22	10	25	27	27	13
Уровень активности в армянской общине	31	45	27	33	27	26	24	42	19	27	23	11
Армянская кухня, танцы, музыка	35	42	28	24	51	47	44	35	47	43	42	39
Гордость за армянскую историю	26	30	37	28	23	26	20	19	29	26	31	30
Тесные семейные связи	22	26	20	15	11	13	6	6	21	16	27	30
Республика Армения – тесные отношения со страной и людьми	15	14	25	17	7	11	8	7	24	17	21	11
Связь с исторической Арменией	12	14	18	18	7	8	6	2	21	10	21	17
ДНК\кровь\ генетическая связь	18	18	16	4	36	18	0	29	32	21	31	32

Источник: Armenian Diaspora Survey 2018–2021,
<https://www.armeniandiasporasurvey.com/#>

иную политическую идентичность, но в нее никак не вкладывался смысл построения своего собственного государства, основанного на ответственности каждого гражданина (прежде всего, гражданина, а потом только этнического армянина). Армянские политические деятели не очень четко понимали тот объем ресурсов, которыми они обладали или могли обладать, что, в результате, приводило к переоценке или приуменьшению своих возможностей уже в период независимости. Из-за этого часть политических целей стали несбыточными надеждами, а реальное положение дел зачастую было проигнорировано.

Выбор политической идентичности: соотношение гражданского, государственного и национального сознания в современной Армении

В массовом сознании понятие «государство» в контексте построения современной армянской идентичности не представляло собой целостное понимание какого-либо территориально-политического образования. Советская Армения была чужда для отдельных общин диаспоры, а независимая республика не смогла выработать эффективного механизма связи с Диаспорой. «Западная Армения» и «Восточная Армения» в маркировке армянской политической идентичности стали иметь различную эмоциональную нагрузку, несмотря на бедствия в начале XX века в обеих частях исторической Армении.

К тому же к началу XX в. внутри армянской интеллигенции сформировалось несколько концепций по поводу становления независимой государственности. Однако геноцид и последствия Первой мировой оставили эти проекты нереализованными, поэтому в политическом мышлении армян на долгие годы «засела» мысль об образе государства, *«которое должно быть»*. Вопреки сложившимся вследствие национальной трагедии условиям армянские идеологи давали предпочтение не реальному государству, а некоторому идеалу²³. К примеру, в 1914 г. армянский поэт Ваан Терьян представлял будущее государство в виде концепта *«Духовной Армении»*, объединенной вокруг армянской культуры как *«внутренней интеллектуально-духовной связи»* и требующей постоянное создание ценностей, которые формировали бы нацию, чего нельзя добиться формальной независимостью²⁴. В романе «Страна Наири» Егише Чаренц стремится демифологизировать армянскую политическую идентичность и преодолеть прошлое после геноцида в советизированной Армении²⁵. Иными словами, выражение государственности в «предчувствии» какого-либо великого будущего или же попытка преодоления истории свидетельствовали о незавершенности политического элемента армянской идентичности. Примечательно, что мысли Терьяна использовались руководством РА в Стратегии национальной безопасности в 2020 г.²⁶, а идеи Чаренца упоминались уже в поствоенный период для оправдания *«мирной»*

²³ Развитие гражданской идентичности в Республике Армения: тенденции, вызовы, риски: коллективная монография / Ответственный редактор О. Л. Саркисян – Ер.: Изд-во РАУ, 2023. – 258 с.

²⁴ Золян С.Т. Политическая символика Третьей Республики: в поисках идентичности // «XXI-й век», No 3 (44), 2017. С. 4-26.

²⁵ Ոսկանյան Ա. Չարենցի ժամանակը (ոգու մասին) / Երևան: Փրինթինֆո-Ակտուալ արվեստ, 2017:

²⁶ ՀՀ ազգային անվտանգության ռազմավարություն, 2020. https://www.primeminister.am/u_files/file/Different/AA-Razmavarutyun-Final.pdf

повестки правительства²⁷, хотя в обоих случаях мы сталкиваемся с попытками манипулирования в угоду политической целесообразности.

В Диаспоре сформировалась специфическая модель политической идентичности, разделенная между восприятием себя как армянина, носителя памяти о Геноциде и утраченной Родине, и гражданина принимающего государства. Исходя из этого национальная идентичность сводилась к этнокультурной, но с точки зрения политической культуры армян Армении, России, США или Ирана создавалась ценностная пропасть. Отчасти это проявлялось у репатриантов из Северной Америки, которые переносили американское враждебное восприятие «советского» времен Холодной войны на постсоветскую Армению, стремясь «исправить» ее²⁸.

После провозглашения независимости под влиянием текущей политики сформировалось несколько моделей политической идентичности. Первый президент РА Л. Тер-Петросян предлагал сконцентрироваться на судьбе Армении, провозглашая национальную идею «ложной категорией» и склоняясь к мысли, что обращение к исторической справедливости может быть пагубным для внешней политики государства. Этим Тер-Петросян пытался сформулировать модель гражданского национализма, ограниченного границами и населением Республики Армения. Во многом эта модель противопоставлялась «радикальным» идеям политических противников первого президента в лице Дашнакцутюн. Однако какой-либо завершённой модели так и не было сформулировано. При Р. Кочаряне национальная идентичность (как и любая категория с этим прилагательным) начала трактоваться как консолидирующий феномен, который включал в себя Республику Армения, Арцах и армян Диаспоры. Такая расширительная трактовка была созвучна идее «армянского транснационализма», что, в свою очередь, не учитывало именно «политической» разницы в позициях армянских элит, а также представителей различных общин Диаспоры. Серж Саргсян попытался переосмыслить это концепт в рамках идеи «единой повестки» для Армении и Диаспоры²⁹, однако ухудшающийся социально-экономический и политический фон вели к провалу таких инициатив. Вместе с тем, деятельность С. Саргсяна наиболее приблизилась к формированию какой-либо модели политики идентичности. В этом контексте можно упомянуть *нждеизм*, сотрудничество с ААЦ, постепенный переход к негативной

²⁷ Վարչապետ Նիկոլ Փաշինյանի շնորհավորական ուղերձն Ամանորի և Սուրբ Ծննդյան տոների առթիվ (31.12.2023). <https://www.primeminister.am/hy/statements-and-messages/item/2022/12/31/Nikol-Pashinyan-New-Year-Message/>

²⁸ Fittante D. Connection without Engagement: The Paradoxes of North American Armenian Return Migration. *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*, 2017, vol. 19, iss. 2–3, pp. 147–169. Available at: <https://doi.org/10.3138/diaspora.19.2-3.147> (дата обращения: 12.06.2024).

²⁹ Միմավորյան Ա., Հովյան Վ. Հայրենիք-սիրուք համագործակցության մոդելները: Եր.: «Նորավանք» ԳԿՀ, 2018. 134 էջ:

«антиимперской» повестке и попытку нормализовать отношения с Турцией. На последних этапах правления третьего президента РА начали просматриваться усилия, направленные на становление государственноцентричной позиции, однако эти действия привели, отчасти, и к смене власти.

Во всяком случае социально-экономические проблемы долгие годы оттеняли политические процессы, что можно увидеть на примере первоочередных ценностных ориентиров граждан Армении (Таб. 2). В республике так и не сформировалась культура согласования и выражения групповых интересов, поскольку традиционные социальные устои до сих пор продолжают практиковаться, а потребности семьи, «ближнего круга» или «клана» доминирует над общественными или государственными интересами. Такому положению способствует также и высокая социальная поляризация, которая на фоне отсутствия четких политических ориентиров для среднего класса провоцирует жесткий антагонизм между обеспеченными и малоимущими слоями населения.

Таблица 2.

Ценностные ориентиры граждан Армении (%)

№	Ценност и	Возраст											
		Очень важны (%)				Достаточно важны (%)				Не важны (%)			
		18-29	30-49	50-69	70+	18-29	30-49	50-69	70+	18-29	30-49	50-69	70+
1	Семья	90,6	93,6	92,5	89,3	6,5	5,6	7,0	8,9	1,0	0,6	0,5	0,6
2	Работа	81,6	82,5	77,5	63,7	15,2	16,1	17,9	19,0	1,4	1,4	3,1	11,9
3	Друзья	70,8	67,2	63,2	49,4	24,4	27,8	28,6	37,5	4,3	4,8	8,0	13,1
4	Свобод. время	52,7	48,0	46,5	30,2	33,1	36,9	35,1	36,7	13,1	14,9	17,2	31,4
5	Политика	12,6	16,7	22,0	18,9	20,0	28,4	32,4	32,0	65,3	54,7	44,5	47,3
6	Религия, вера	47,6	52,5	49,4	49,7	34,8	33,8	33,4	33,7	16,2	13,1	16,0	14,8

Источник: Погосян Г. А. Историческая память и национальная идентичность. Ер., Изд-во РАУ, 2023. 134с. URL: <https://shorturl.at/bhnFY> (дата обращения: 12.06.2024)

В то же время до 2018 г. среди общественных и политических институтов, пользующихся наиболее высоким доверием, стабильно сохраняли позиции Церковь и армия, однако после «бархатной революции» и поражения в 44-дневной войне картина кардинально изменилась (Рис. 2), поскольку чувство эйфории сменилось апатией и окончательным разочарованием всеми общественными и политическими институтами. При этом завышенные ожидания от смены власти существовали в значительном отрыве от способности политической элиты Армении изменить ситуацию в стране в лучшую сторону.

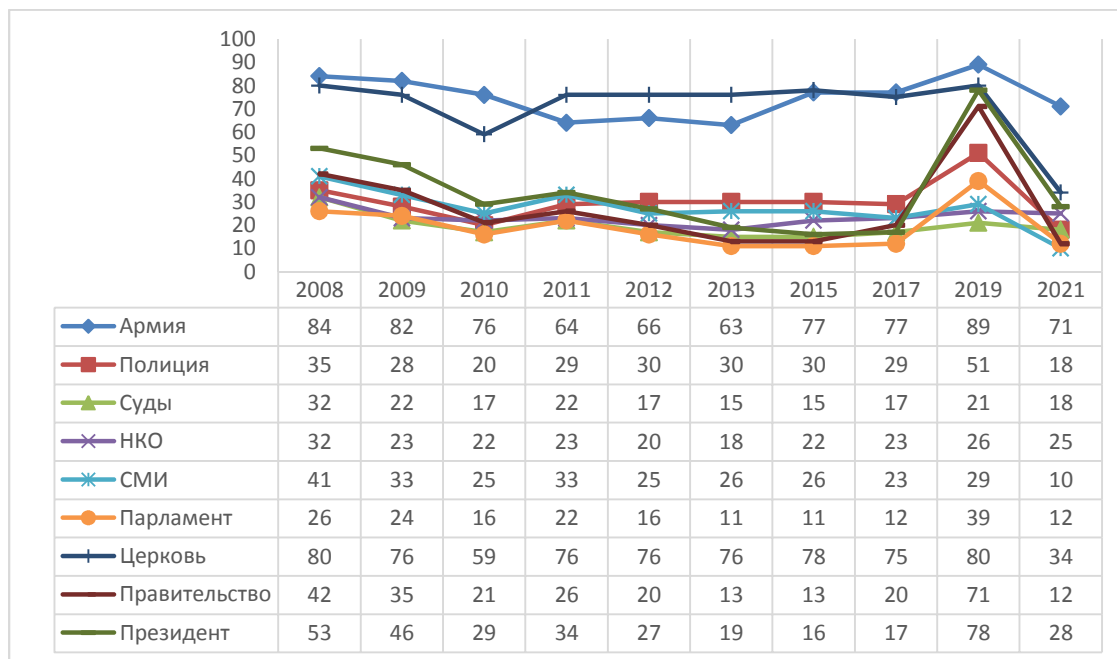

Рисунок 2. Уровень доверия политическим и общественным институтам, %, **Источник:** <https://caucasusbarometer.org/en/cb-am/>

Политика идентичности в современный период: де- или ремифологизация?

Сложившийся после поражения во Второй Карабахской войне кризис идентичности подвел руководство РА к мысли о необходимости пересмотреть национальную политическую мифологию под лозунгом «возвращения в реальность». Однако перенастройка элементов армянской политической идентичности начала проводится с периода «Бархатной революции» 2018 г., представляясь как стратегическое переосмысление политических реалий Армении, хотя, по сути, в политическом дискурсе доминировал популизм. К тому же благоприятной почвой для популизма стал именно кризис идентичности общества или его значительной части, усилившийся после 2016 г. и представлявший собой ситуацию также глубокого разочарования существующими порядками³⁰.

В этом контексте можно вспомнить многочисленные мероприятия, придающие новое звучание идее гражданственности: «День гражданина», различные акции прозрачности и открытости властей, субботники, придание годовщине «1-го марта» более важного значения и другие действия, – однако качественных изменений в содержании политики не произошло. Наоборот, после 2018 г. гражданское общество, а точнее – представители НКО,

³⁰ Медушевский А.Н. 2018. Популизм на Западе и в России: сходства и различия в сравнительной перспективе. – Популизм как общий вызов. Отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. М.: Политическая энциклопедия, сс. 47–57.

олицетворяющие собой гражданскую борьбу, перешли в разные госструктуры, размыв тем самым границу между «общественным» и «политико-государственным», но в худшую сторону. Сложилась ситуация, когда власти (в рамках используемого публичного инструментария) могли вести себя как оппозиция, снимая с себя ответственность за судьбу государства. Вместе с тем, государственные интересы, отождествляясь с интересами властей, могли стать жертвой политической целесообразности. Как следствие, надежда на формирование гражданского сознания сменилась вакуумом в рамках развития армянской национальной идентичности.

Последствия войны привели к потере не только территории Арцаха, но и ключевого элемента политической идентичности граждан Армении. Важнейшие аспекты национальной консолидации внутри РА касались именно победы в Первой Карабахской войне, как и пантеон основных национальных героев (**Таб. 3**). Изменение ситуации привело к преобладанию «негативной» повестки в отношении прошлого, что было связано с пересмотром основ национальной идентичности.

Таблица 3.

Основные победы и поражения в армянской истории по мнению респондентов

№	Исторические победы	Проценты	Историческое поражение	Проценты
1.	Освобождение Карабаха в 1991-1994 гг.	28,6%	44-дневная война 2020 г.	74,4%
2.	Аварайрская битва	27,2%	Геноцид армян 1915 г.	15,0%
3.	Сардарapatское сражение	21,4%	Сдача Шуши (2020 г.)	5,9%
4.	Освобождение Шуши	19,7%	Аварайрская битва	3,9%
5.	Великая Отечественная война 1941-1945 гг.	9,5%	Распад СССР	3,4%
6.	Майские победы: 9 мая и 28 мая	6,0%	Потеря Западной Армении	1,3%
7.	Декларация независимости	5,5%	Другое	21,4%
8.	Сражение при Баш Апаране	4,8%		
9.	1-ая, 2-ая и 3-я Республики	4,4%		
10.	Принятие христианства	4,0%		
11.	Период правления Тиграна Великого	3,6%		
12.	Создание алфавита	2,2%		
13.	Революция 2018 г.	1,5%		
14.	Другие	12,2%		

Источник: Погосян Г. А. Историческая память и национальная идентичность. Ер., Изд-во РАУ, 2023. 134с. URL: <https://shorturl.at/bhnFY> (дата обращения: 12.06.2024).

К тому же начался процесс, который многие назвали «демифологизацией», то есть – отказом от национальной политической мифологии. Однако проблема заключалась не в демифологизации, призывающей к возвращению к прагматизму, а в ремифологизации. Многие старые мифы начали заменяться новыми: победа в Нагорном Карабахе – «Бархатной революцией» 2018 г.³¹; «Историческая Армения» – «Реальной Арменией»; противостояние с «турецким фактором» – «эпохой мира» и постколониальным синдромом. Все эти антитезы официальному дискурсу существовали всегда, хотя и в ином концептуальном оформлении, однако Н. Пашинян сумел представить «историю» в качестве главного виновника кризиса идентичности³², предлагая построение в определенном роде «нулевой идентичности»³³.

На первый взгляд предлагаемая руководством РА схема похожа на модель государственно-гражданского национализма, уделяющего особое внимание современной территории республики и ее развитию. Однако подходы к построению новой национальной парадигмы связаны не со стратегическим видением дальнейшей модернизации «политического», а с реакцией на поражение в войне и сведение политики идентичности до легитимизации действий «победившей» стороны. С другой стороны, назначение 2018 или 2020 г. в качестве начала новой эры лишает содержания армянскую политическую идентичность, сводя ее к утопичному образу «государства без свойств». Поэтому концепт «реальной» Армении без ее «исторического» элемента априори невозможен, поскольку выбор между «повторяющимся прошлым» и «бессодержательным будущим» изначально является ложным и тупиковым.

Заключение

Вследствие внутренних противоречий армянской национальной идентичности и наличия различных концепций «политического» формируется почва для постоянного кризиса идентичности в условиях становления армянского государства. Кризис провоцируется конфликтом с этноконфессиональной модели армянского самосознания (конфликта «армянина» и «гражданина Армении»). Исходя из этого формируются две крайности: «выхолощенная» космополитическая и этнонациональная версии армянского самосознания. В обоих случаях сложно построить адекватную

³¹ «Соратник Пашиняна считает "бархатную" революцию важнее арцахской войны. Соцсети и эксперты негодуют» / Novosti-Armenia. [https://newsarmenia.am/news/analytics/soratnik-pashinyana-schitaet-barkhatnuyu-revoljutsiyu-vazhnee-artsakhskoy-voyuny-sotsseti-i-eksperty-/](https://newsarmenia.am/news/analytics/soratnik-pashinyana-schitaet-barkhatnuyu-revoljutsiyu-vazhnee-artsakhskoy-voyuny-sotsseti-i-eksperty/)

³² Маркедонов С. Армения и Нагорный Карабах: ценностный и поколенческий сдвиг. Мировая экономика и международные отношения, 2023, т. 67, № 12, сс. 93–103. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-12-93-103>

³³ Киященко Н.И. Нулевая идентичность // Философия и культура. 2013. № 12. С. 1747-1756. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=63608

картину взаимодействия Армении или армянства с остальным миром, поскольку отсутствие укорененных представлений о государстве, праве, гражданственности, как и недостаток опыта политической жизни, ведет к слабовыраженной государственно-гражданской идентичности в Армении.

Борьба моделей идентичностей в Армении происходит между «ретротопией» и «утопией» (если вспомнить последнюю книгу З. Баумана³⁴), где миф о стабильном, надежном и «нормальном» прошлом, отражающемся в условном «до» (до революции и войны), противостоит идее «светлого» будущего, выраженного в идеализированном «после» (подписания мирного договора, разблокировки коммуникаций, нормализации отношений). Обе альтернативы имеют мало чего общего с «реальной реальностью», которая не раз прерывала формирование «политического» в структуре армянской национальной идентичности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; - М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288с.
2. Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019.
3. Брубейкер, Р. Этничность без групп /пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
4. Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991.
5. Дунамалян Н. А. Специфика «армянского кризиса» в контексте современных подходов внешней политики РФ / АРВАК Центр, <https://arvak.am/ru/армянский-кризис-и-политика-рф/> (дата обращения: 12.06.2024).
6. Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. Искандарян А., ред. Ереван, Caucasus Institute, 2009. –207 с.
7. Золян С.Т. Политическая символика Третьей Республики: в поисках идентичности // «XXI-й век», No 3 (44), 2017. С. 4-26.
8. Киященко Н. И. Нулевая идентичность // Философия и культура. 2013. № 12. С. 1747-1756. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=63608
9. Маркедонов С. Армения и Нагорный Карабах: ценностный и поколенческий сдвиг. Мировая экономика и международные отношения, 2023, т. 67, № 12, сс. 93–103. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-12-93-103>
10. Марутян А.Т. 2008. Памятник жертвам геноцида в контексте ритуалов армянского народа. – Этнографическое обозрение. № 3, сс. 119–128.
11. Медушевский А.Н. 2018. Популизм на Западе и в России: сходства и различия в сравнительной перспективе. – Популизм как общий вызов. Отв. ред. К. Кроуфорд, Б. И. Макаренко, Н. В. Петров. М.: Политическая энциклопедия, сс. 47–57.
12. Мирумян К. А. Армянская политическая мысль. Формирование и этапы развития (под ред. Г. Г. Арутюняна). – Ер.: Изд-во РАУ, 2021. – 552 с.

³⁴ Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой ; под науч. ред. О. А. Оберемко. М. : ВЦИОМ, 2019.

13. Петросян Г. А. Отношение политических кругов России к Декларации независимости объединенной Армении // Отношения Республики Армения с Россией (1918 – 1920 гг.) / ЕГУ; - Ер.: Изд-во ЕГУ, 2012, сс. 202–243.

14. Развитие гражданской идентичности в Республике Армения: тенденции, вызовы, риски: коллективная монография / Ответственный редактор О.Л. Саркисян – Ер.: Изд-во РАУ, 2023. – 258с.

15. Саркисян О. Л., Дунамалян Н. А. Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты. – Полис. Политические исследования. 2020. № 2, сс. 53–72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05> (дата обращения: 12.06.2024)

16. Саркисян О., Дунамалян Н. Фактор диаспоры в контексте модели общеармянской идентичности: между нацией и государством. Мировая экономика и международные отношения, 2023, т. 67, № 4, сс. 92–108. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-92-108> (дата обращения: 12.06.2024)

17. Саркисян О. Л. 2016. Некоторые постулаты исследования национальной идентичности в контексте современных социально-политических и культурно-цивилизационных трансформаций. – Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета. № 2, сс. 42–46.

18. Ջէրիեան Պողոս Լևոն, Հայկական ուղին դեպի արդիականություն. Հայ ինքնությունն ավանդույթի և նորույթի, հատուկի և ընդհանրականի միջև, <https://bit.ly/3W55rys> (дата обращения: 12.06.2024)

19. Ոսկանյան Ա. Չարենցի ժամանակը (ոգու մասին) / Երևան: Փրինթինֆո-Ակտուալ արվեստ, 2017:

20. Ս իմավորյան Ա., Հովյան Վ. Հայ կաթողիկե և ավետարանական համայնքները Թուրքիայում. Ժամանակակից միտումներ - Եր.: «Նորավանք» ԳԿՀ, 2012. –160 էջ:

21. Ս իմավորյան Ա., Հովյան Վ. Հայրենիք-սփյուռք համագործակցության մոդելները/. Եր.: «Նորավանք» ԳԿՀ, 2018. –134 էջ:

22. Armenian Diaspora Public Opinion (1). Armenian Diaspora Survey 2019. Tchilingirian H., ed. 176 p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5f5382df75dd3715b1125b37/1599308587911/Armenian_Diaspora_Survey_2019_results_book_05092020v2.pdf (дата обращения: 12.06.2024).

23. Fittante D. Connection without Engagement: The Paradoxes of North American Armenian Return Migration. Diaspora: A Journal of Transnational Studies, 2017, vol. 19, iss. 2–3, pp. 147–169. Available at: <https://doi.org/10.3138/diaspora.19.2-3.147> (дата обращения: 12.06.2024).

24. Greenwood T. The Universal History of Stepanos Tarōneci: Introduction, Translation, and Commentary. – Oxford University Press, 2017.

25. Minassian G. What Is the Armenian People’s Relationship with “The Political”? / EVN report (April 6, 2022). URL: <https://evnreport.com/opinion/what-is-the-armenian-peoples-relationship-with-the-political/> (дата обращения: 12.06.2024).

26. Thomson R. W. Christian Perception of History – The Armenian Perspective // Redefining Christian Identity. Cultural Interaction in the Middle East since the Rise of Islam / edited by J. J. van Ginkel, H. L. Murre-van den Berg, T. M. van Lint. – Peeters Publishers, 2005, pp. 35–44.

27. Tölölyan K. Beyond the homeland: From exilic nationalism to diasporic transnationalism. Gal A., Leoussi A. S., Smith A. D., et al. The Call of the Homeland. 2010, pp. 27-45. Available at: <https://doi.org/10.1163/ej.9789004182103.i-402.16> (дата обращения: 12.06.2024).

28. ՀՀ ազգային անվտանգության ռազմավարություն, 2020. https://www.primeminister.am/u_files/file/Different/AA-Razmavarutyun-Final.pdf

29. «Соратник Пашиняна считает "бархатную" революцию важнее арцахской войны. Соцсети и эксперты негодуют»/Novosti-Armenia. <https://newsarmenia.am/news/analytics/soratnik-pashinyana-schitaet-barkhatnuyu-revolyutsiyu-vazhnee-artsakhskoy-voyny-sotsseti-i-eksperty-/>

30. Վարչապետ Նիկոլ Փաշինյանի շնորհավորական ուղերձն Ամանորի և Սուրբ Ծննդյան տոների առթիվ (31.12.2023). <https://www.primeminister.am/hy/statements-and-messages/item/2022/12/31/Nikol-Pashinyan-New-Year-Message/>

31. «Հայ Դատ» Հասկացողութեան Խորհուրդն Ու Պատգամը Դաշնակցականներու Մօտ (ՀՅԴ Հիմնադրութեան 125-Ամեակին Առիթով) ԺԲ. <https://www.aztagdaily.com/archives/270364> (дата обращения: 12.06.2024)